"Мама, мы просто устали; это было эмоциональное время; мы просто пережили небольшой шок, и я, например, буду рад, когда все это закончится. Я уверен, что ты тоже это сделаешь. Если хочешь, утром я поговорю с моим другом-юристом-стажером о законе о двоеженстве. Для тебя, ну, и для нас, было бы разумно знать, на чем мы стоим."

"О, дорогой, спасибо тебе, ты совершенно прав, нам действительно нужна некоторая юридическая проницательность".

"Кроме того, и я надеюсь, ты не возражаешь, что я поднимаю этот вопрос, но я думаю, что было бы хорошо для всех заинтересованных сторон, если бы ты протянула оливковую ветвь Мэдлин, сообщив ей подробности похорон. В конце концов, это была не ее вина, я уверен, что она так же зла и расстроена, как и ты. Последние двадцать с лишним лет вы обе были уверены, что папа был вашим мужем, и это стало огромным потрясением для тебя и для нее. Она поступила благородно, не сердись на нее, сердись на него".

"Я боюсь похорон, с другой его семьей или без нее".

"Хорошо, почему бы нам не покончить с этим сейчас? Она оставила тебе номер своего мобильного?"

"Да, и электронное письмо".

"Еще лучше, если хочешь, я отправлю ей электронное письмо от тебя прямо сейчас, просто короткое сообщение с указанием времени и места похорон".

"Хорошо, я уверена, что ты прав, вот мой телефон, я разбита вдребезги, я иду спать, увидимся утром. Спокойной ночи, дорогой".

"Спокойной ночи, мама".

Если бы только моя мама знала, что большая часть причин, по которым я выступал в защиту Мэдлин, заключалась в том, что я просто хотел снова быть рядом с ней. Я отправил сообщение, в нем просто говорилось: "Похороны в церкви Святой Маргариты на Браунинг-лейн, 26 сентября в 11 утра. Подробности о поминках будут подтверждены позднее." Мы планировали провести поминки дома сразу после похорон, но я знал, что моя мать ни за что не захотела бы, чтобы в доме была группа совершенно незнакомых людей; во всяком случае, не этих незнакомцев. Нет, мне нужно было бы забронировать нейтральное место, я бы договорился с ней об этом утром.

Я чувствовал себя усталым, но очень возбужденным, поэтому подождал, пока не убедился, что моя мама спит, а затем, выбросив из головы свое прежнее замешательство по поводу того, что она меня возбудила, я подумал о Мэдлин, и только о Мэдлин, когда мастурбировал, лежа на диване. Это был чрезвычайно приятный оргазм.

Два часа спустя, лежа в постели, я предавался неторопливым ласкам своего члена и снова думал о Мэдлин. Я придумал несколько фантазий, представляя, как трахаю ее, но та, которая вывела меня из себя, была о том, как я прижимаю ее к стене церкви во время похорон, расстегиваю ее пальто и поднимаю ее черное платье, чтобы обнажить верх чулок и бретельки подтяжек, прежде чем засунуть свой твердый член в ее теплое влажное влагалище. Мысли о том, как она прижимается к стене, охотно трахается на своих высоких каблуках, сжимая мой член своим тугим влагалищем, было более чем достаточно, чтобы выпустить капли спермы на мой живот, когда очередной ошеломляющий оргазм заставил мои пальцы ног подогнуться.

Когда я задремал, наполовину засыпая, наполовину бодрствуя, не осознавая этого, я вспомнил слезы моей матери и губы на моей шее, и мой член в последний раз непроизвольно дернулся, прежде чем я задремал.

****

Утро в день похорон поначалу выдалось сырым и пасмурным. Служба была мучительно напряженной, но викарий, к счастью, сделал ее короткой и милой, он просто упомянул о выборе, который мы делаем в жизни, не обращаясь напрямую к "слону в комнате". К счастью, ни у кого не возникло желания прочитать или сказать несколько слов о моем отце-двоеженце. Я почувствовал легкую грусть от того, что могло бы быть, если бы он больше присутствовал в моей жизни, но мои мысли были заняты главным образом присутствием стольких привлекательных женщин в черном. Почему женщины всегда выглядят так сексуально на похоронах? Должен быть закон, запрещающий это. Собрание вокруг могилы для совершения обряда было похоже на сцену из фильма. Моросящий дождь прекратился, небо прояснилось, и церковный двор был заполнен элегантными женщинами.

Все они выглядели такими стильными и привлекательными. Солнце начало пробиваться сквозь влажный туман, заливая сцену мягким сиянием. Хорошо скроенные, облегающие фигуру темные платья, черные чулочно-носочные изделия и туфли на высоких каблуках были повсюду. Некоторых из них сопровождали элегантно одетые мужья или бойфренды, но именно сексуальные, привлекательные женщины с их блестящими волосами, со вкусом подобранным макияжем и черными чулочно-носочными изделиями заставляли мой член покалывать. Я редко видел столько пар красивых ножек в туфлях на каблуках, и все это в одном месте одновременно.

Мэдлин поймала мой взгляд ранее в церкви; она поприветствовала меня и одними губами произнесла "Спасибо" рубиново-красными, идеально накрашенными губами. Я сразу понял, что сногсшибательная молодая женщина со светлыми волосами, стоявшая рядом с ней, была моей сестрой. Я мог видеть признаки черт моего отца в ее лице, но она унаследовала гены своей матери, благодаря которым у нее было стройное тело. Ничего себе, такова была моя первоначальная реакция, но я быстро одернул себя, в конце концов, она была моей кровной родственницей.

Позже я узнал, что Лорен было двадцать два, и она все еще училась в университете. Позже я также узнал, что другими женщинами, сопровождавшими Мэдлин, были ее сестры Надин и Кристен и их дочери Зои и Даниэль соответственно; все они были очень приятны на вид. Не то чтобы моя семья тоже собиралась остаться в стороне. Сестра моей матери Сара и две ее

дочери, мои двоюродные сестры Шарлотта и Беатрис, тоже выглядели очень по-лисьи.

Там была милая дама из отдела кадров компании, в которой работал мой отец, она представилась сама и две ее коллеги-женщины перед началом службы. Это благопристойное трио хорошо вписывалось в компанию других скорбящих женщин.

Пока мы все стояли у могилы, я разглядывал собравшихся привлекательных женщин и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Хотя я еще раз задался вопросом о своих моральных устоях, конечно, это ненормально - чувствовать сексуальное возбуждение на похоронах, но куда бы я ни посмотрел, везде были соблазнительные женщины.

Когда мы добрались до "земля к земле, пепел к пеплу, пыль к пыли", моя мама взяла меня под руку и нежно прислонилась ко мне. Я почувствовал прилив гордости, она не выглядела неуместной среди множества красавиц, которые окружали нас.

http://tl.rulate.ru/book/4047/110971